

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ

И. А. Аполлонов, А. С. Берберян

Аполлонов Иван Александрович, Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Россия

E-mail: oblige@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-1926-8213>

Берберян Ася Суменовна, Российско-Армянский (Славянский) университет, ул. Овсепя Эмина, 123, г. Ереван, 0051, Армения

E-mail: aspsy@inbox.ru · <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с социокультурными основаниями формирования субъектных структур человека. Целью статьи является анализ диалектической взаимосвязи детерминант социальной культуры, определяющих «вторую природу» человека, и обретение им свободы как конститутивной черты субъекта деятельности. Методология исследования связана с деятельностным подходом, рассматривающим субъекта в качестве активного начала человека, осваивающего и творчески преобразовывающего себя и свой мир посредством целесообразной личностно значимой деятельности. Культура рассматривается в качестве социального кода, определяющего сущностные предикаты личности и формирующего ценностно-смысловой горизонт его сознания и самосознания. Показана взаимосвязь норм и образцов, определяющих социокультурные детерминанты формирования субъектности человека и ценностного горизонта культуры вовлекающего человека в деятельность по производству идеалов. В контексте подобной деятельности формируется определённая архитектура личностных ценностей, которая составляет основу жизненных проектов и определяет внутреннюю, а не вменённую извне ответственность, как неотъемлемую и конститутивную черту личностной свободы человека. Анализ особенностей интериоризации форм социальной культуры позволяет выявить уровень нормальности: пространство личностных смыслов, формируемое в контексте взаимной оценки социокультурных образцов и той повседневной практики, в которой действует человек. Данный уровень позволяет обрести собственную субъектную позицию, которая определяет личностное отношение к нормам, образцам и аттракторам культуры с высоты предельных ценностей человеческого бытия. Обосновывается вывод о том, что социокультурные детерминанты являются необходимым основанием обретения человеком творческой свободы в качестве субъекта деятельности. В качестве иллюстративного материала использованы материалы многолетних исследований самопонимания молодёжью своей этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: субъект, деятельность, культура, нормы и ценности, свобода и ответственность, интериоризация культурных форм, нормальность, производство идеалов.

Введение

Концепт «субъект» является одной из вершин в развитии отечественной психологии личности. Сформировавшись в трудах С.Л. Рубинштейна, связывающего субъектность человека со степенью его включённости и мерой освоения различных форм и видов деятельности (Рубинштейн, 1976), в современной психологии данный концепт становится стержневым понятием субъектного подхода, развиваемого Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, В.В. Знаковым, В.А. Петровским, К.А. Абульхановой, Е.А. Сергиенко, З.П. Рябикиной, и многими другими учёными (Знаков, Рябикина, 2017; Тучина, 2014). Данное понятие концептуализируется в контексте деятельностного подхода и замыкает восходящую триаду индивид — личность — субъект. А.В. Брушлинский определяет субъекта как деятеля, человека,

достигший высшего уровня деятельности, общения, автономности, целостности; уровня, на котором он становится творцом собственной истории и вершителем своего жизненного пути, «дела делателем» (Брушлинский, 2003). Обобщая положения исследований своих коллег, З.И. Рябикина отмечает, что субъектность — это целостная характеристика личностной активности, направленной на овладение и преобразование себя и мира с целью достижения, и утверждения собственной идентичности (Рябикина З.П., 2005). Подобным образом субъект концептуализируется и в западной психологии, в теориях личности, построенных в русле психоаналитической и гуманистической парадигмы (Bugental, Kleiner, 2003; Martin, 2004; Campbell, Christopher, Bickhard, 2004; Sugarman, Martin, 2011). В данном понятии выражается иницирующее начало человека, его способность взаимодействовать с миром и обществом, быть устроителем собственной жизни, преодолевать личностные деформации (Анцыферова Л.И., 2000). Соответственно субъект — это деятель, творец и данное понятие выражает степень личностной зрелости человека, его способность к самоактуализации и освоению пространства своего жизненного мира, конституирующим свойством которого является произвольная целесообразность деятеля (Михайлов, 2002). И здесь важно учесть, что «субъект» — это двусложное слово, в котором вторая его часть представляет «активность, действие», а первая указывает на то, что лежит «под», как на источник, первопричину подобной активности. Субъект в качестве носителя активности сам делает свой выбор относительно направленности и объектов своей деятельности; стремится к реализации собственных замыслов и жизненных проектов. В данном контексте субъектное начало человека предстает его онтологическим подлежащим, которое творчески, т.е. непредумышленно, утверждает в сфере сущего бытийные возможности своих сущностных предикатов (Резвых, 1996). Тем самым феномен субъектности связан прежде всего с тем фактом, что активность идет непосредственно от человека, а не из внешних детерминант, не под давлением сложившихся обстоятельств. Однако эта активность неотделима от жизненных обстоятельств и неразрывно связана с сущностными идентификационными чертами личности, надындивидуальными по своей природе. Подобная двойственность в понятии «субъект», указывающем, с одной стороны, на целостность человека, а с другой стороны, на источник подобной целостности, как особой субъект-предикативной структуры, раскрывает перед нами проблему диалектической взаимосвязи человека, с одной стороны, как имеющейся в наличии данности, неотъемлемой от реалий и закономерностей объективного мира и, с другой стороны, как существа, способного выйти за пределы наличной данности, и деятельно обустроить свой мир. В контексте этой проблемы нами поставлена задача проанализировать соотношение в культуре социального кода, детерминирующего формирование «второй природы» человека и, вместе с тем, основания, позволяющего ему обрести личностную свободу субъекта-творца.

Культура: репрессия норм, драматургия социальных ролей и пространство свободы субъекта — «дела делателя»

Надындивидуальный характер сущностных предикатов личности предполагает, что формирование субъектности происходит в пространстве тех культурных форм, которые определяют жизненный мир человека и его субъективное «Я». Подобная культурная фундированность человека несёт в себе роковую антиномич-

ность. Ведь то, что является для человека необходимым условием самоутверждения и даёт возможность себя осуществить, в то же время неизбежно подчиняет его волю, поскольку определяет путь любым, самым несоизмеримым его стремлениям и даже в случае восстания против неё она великодушно предоставляет ряд вполне проверенных и усовершенствованных способов мятежа и отрицания (Бахтин, 2008). Поэтому ряд мыслителей в культурной обусловленности «второй природы» человека видят прежде всего унифицирующее индивида «власть-знание» (М. Фуко), информационно-манипулятивную стратегию и технологию управления человеком посредством обмана, соблазна, манипуляции его сознанием (Филер, 2012). Культура, представляющая собой систему норм, стандартов, образцов и стереотипов, программирует человека, подвергает систематическому насилию творческое саморазвитие субъекта (Резник, 2009).

Таким образом, проблема субъектности человека связана с поиском оснований свободного в своём произвольном целеполагании действия в контексте социокультурных детерминант его жизненного мира. Причём, как подчёркивают упомянутые ранее критики, на уровне субъекта подобные детерминанты выступают не столько как фактор внешнего принуждения, сколько как внутренний характер. Ведь изначально внешние для человека социокультурные регуляторы в процессе интериоризации становятся неотъемлемыми чертами психической организации личности, основой мотивации социализированного индивида (Леонтьев, 1996). Тем самым навязанная человеку власть культуры укореняется в самой сердцевине субъектного «Я», и уже собственная культурность человека заставляет его следовать соответствующим нормам и стремиться к соответствующим ценностям, формируя тем самым казуальную силу собственных мотивов человека. Соответственно естественный детерминизм социокультурной традиции определяется формированием подобной самоочевидности структур сознания и самосознания человека. Особенности подобного детерминизма иллюстрирует ответ одной респондентки проводимого нами исследования «Диалог культур в контексте самопонимания национальной идентичности (на примере студентов вузов Северо-Западного Кавказа)» (поддержано грантом Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» № 036). На вопрос: «Что для Вас значит быть представителем Вашей национальности?», студентка Адыгейского госуниверситета ответила: «У меня свой менталитет, свой образ мышления, своя точка зрения на особые вещи, и все это благодаря тому, что я черкешенка» (Аполлонов, Карнаушенко, Тучина, 2009).

Основания подобного детерминизма складываются в процессе освоения человеком социальных ролей, структурирующих его повседневную деятельность и представляющую особую драматургию общественного поведения человека. При этом субъектность человека определяется его квалификацией в их исполнении. Роль при этом перестаёт быть просто ролью. Она определяет личностные черты и саму суть своего исполнителя в тех или иных жизненных практиках: «субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; но в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть... работая над объектом, субъект определяет не только его, но и себя» (Рубинштейн, 1997).

Вместе с тем подобная социальная драматургия предполагает онтологическое несовпадение субъекта и совокупности исполняемых им ролей: «хотя социальный мир построен на ролях, за которыми стоят люди, которые имеют более ши-

рокую сферу бытия, чем позволяет любая из текущих ролей» (Гофман, 2003). Но такой зазор между ролью и её исполнителем автор теории фреймов связывает лишь со способностью последнего на время выходить из своей роли: принять удобное положение, покашлять, отвлечься на телефонный звонок и т.п. Такие выпадения призваны подчеркнуть, что человек в социальном взаимодействии представляет не себя, а историю того героя, которым ему довелось стать (Гофман, 2003). То есть субъектное «Я» человека рассматривается автором теории фреймов лишь в качестве убежища от тех ролей, которые определяют его личностное содержание. Тем самым субъектное состояние человека, его «быть собой» связывается прежде всего с его эгоистическими мотивами, понижающими уровень социальной ответственности.

Однако то субъектное «Я», с которым я отождествляю себя как «дела делателя», реализующего свою спонтанную целесообразность, связано прежде всего не с потаканием собственным слабостям, а, напротив, с желанием их преодолеть и выполнить социальные роли, связанные со своей предикативной сущностью, с предельной ответственностью. Соответственно обретение субъектной позиции, выводящей человека за пределы детерминант его повседневной жизни, связано с осознанием ответственности за собственный жизненный мир. И такое осознание определяет человека как субъекта в его свободе, поскольку «границы свободы и ответственности совпадают, как две стороны одного листа бумаги. Эта единая граница свободы/ответственности определяет границы личности как свободного/ответственного (вменяемого) субъекта» (Тульчинский, 2007). И наоборот, бегство от ответственности понижает уровень субъектности, растворяет его свободу и самобытность в формах массового сознания и детерминантах массовой культуры. Поэтому свободное действие субъекта в отличие от субъективного произвола, потакающего собственным капризам, подчинено внутреннему закону деятельного присутствия человека в мире, и поэтому является «не рефлексивным, а рефлексивным и ответственным» (Зинченко, 2001). И «Я» как субъект своих сущностных предикатов обретается в чувстве ответственности, но ответственности не исполнителя внеличных замыслов, образцов и моделей, а со-творца того мира, в котором он действует, стремится сделать лучше и за который он отвечает как за свой мир.

Такая ответственность тоже выталкивает человека из повседневной драматургии социальных ролей, но не в сторону потакания собственным слабостям, а в область человеческих достоинств и добродетелей, которые имманентны ценностно-смысловому содержанию предикатов, определяющим сущность человека. И вопрос о формировании субъектных структур человека связан с проблемой освоения этого содержания, порождения ценностного ядра личностных значимостей тех культурных форм, которые определяют его «вторую природу».

Из сказанного видно, что субъектность человека не противостоит, а, напротив, представляет необходимое условие исполнения своих предикативных ролей. Ведь даже в обозначенном нами ранее репрессивном рассмотрении культуры нельзя не отметить, что именно «культурное насилие» принятых норм, образцов и стандартов порождает субъектную свободу человека как творца. Так, свобода игры на музыкальном инструменте рождается через репрессию сольфеджио и гамм; свобода спортсмена или танцора — через предельную жестокость каждодневных тренировок; свобода мыслить... Впрочем, назвать репрессией освоение

многообразия идей от классических авторов до современных властителей дум кощунственно. Более того, субъектное освоение культурных ограничений является необходимым условием (даже логически необходимым!) того, чтобы эти границы преодолеть. Нигилистическое отрицание культурных норм, образцов и запретов не освобождает человека, а низводит его до состояния докультурной дикости. Программирует и подавляет культура не творца (а сотворчеством является любая осмысленная деятельность), а потребителя: от античного «хлеба и зрелищ» до современного «пипл хавает».

Поэтому «Я» как субъект своего бытия выталкивает себя из наличных форм собственной самости, постулируемой привычностью базовых для человека социокультурных кодов и алгоритмов, не в акультурное нигилистическое ничто, а, напротив, в метафизический горизонт культурных ценностей, в котором и происходит рефлексивная, оценочная и проективная деятельность самосознания. В данном контексте следует различать два уровня культуры: первый, профанный, как совокупность норм и алгоритмов, которые осуществляют «социальное кодирование» человека, формируют его культурные привычки и стереотипы, в целом определяют его жизненный мир; и второй, сакральный, связанный с утверждением высших духовных ценностей человеческого существования. Причём данные уровни сущностно связаны между собой и образуют определённую вертикаль, в пределах которой происходят взаимонаправленные процессы, с одной стороны, утверждения, а с другой — оправдания культурных форм, порождающих «вторую природу» человека: и его предикативную сущность, и его субъектное сущее. Основанием субъектных структур личности является погруженность индивида в изначально внеположенные ему социокультурные формы жизненного мира, который М. К. Мамардашвили рассматривает как особую физику, образованную фактическим сцеплением мыслей и поступков человеческого сообщества (Мамардашвили, 1996). И формирование субъектных структур определяется детерминантами таких сцеплений, культурой как социальным кодом, системой запретов, норм и образцов, фундирующих драматургию его социальных ролей. Однако деятельное участие в этой драматургии, воспроизводящей социокультурный мир, выводит человека за пределы фактуальной данности этой драматургии, раскрывая перед ним культурное пространство высших ценностей человеческой жизни, что порождает особую метафизику человеческого бытия, которая и определяет его субъектную позицию, позволяет быть со-автором в такой драматургии.

Но здесь важна и обратная связь: трансцендентный мир высших ценностей неразрывно связан с реальной жизненной практикой людей, вне которой он превращается в пустую абстракцию. Поэтому трансцендирование, выталкивающее субъекта за пределы повседневной жизни в мир человекообразующих ценностей, не разрывает, а, напротив, сгущает онтологическую связь между этими мирами. Можно сказать, что субъектность человека как деятеля, сотворца своего жизненного мира находится на пересечении данных миров, наполняет повседневную реальность личностно значимыми смыслами, с одной стороны, и конкретизирует, реализует идеалы мира высших человеческих ценностей, с другой стороны. Вне подобного сопряжения первый из них превращается в антигуманную систему принуждений и детерминант, а второй расточествляется в бесплотные и безжизненные абстрактности.

Проблема интериоризации ценностных оснований культуры

Поэтому субъектное освоение социальных ролей, связанных с предикативной сущностью человека, формируемое в процессе интериоризации внеположенных ему культурных форм, нельзя сводить лишь к загрузке в психику человека, его сознание и бессознательное, норм и образцов, запретов и привычек, кодированию и программированию его в качестве социального актора. «Субъектным содержанием интериоризированные нормы и образцы культуры становятся лишь тогда, когда обретают очевидную для человека ценность, если они являются также и личными, а не надличностными или внеличностными» (Брушлинский, 2003). Подобная интериоризация форм культуры предполагает не только определённую социокультурных норм и образцов, но также и символически связанное с ними бесконечное ценностное содержание, которое «прорастает» в нас, часто без адреса, помимо нашего желания и воли, формируя «символическое “тело”» человека, в его духовный организм, в феноменальное “тело” его желаний, мотивов, ценностей, сознания» (Зинченко, 2001). Поэтому формирование ценностного ядра субъекта тоже происходит посредством освоения социальных ролей, включающих индивида в соответствующие виды деятельности, поскольку всякая роль, фундированная нормами и образцами культуры, несёт в себе ценностную перспективу, имманентную высшим смыслам сущностных предикатов человека, с высоты которых происходит оправдание наличных форм культуры. Такая ценностная перспектива обладает различной степенью интенсивности и до конца не артикулируема, поскольку выходит в апофатическую открытость предельных смыслов мира идеального. Поэтому её интериоризация предполагает «личностное до-определение», активную субъектную позицию, конкретизирующую ценности культуры, определяющие их значимость в контексте формирования собственных личностных проектов. В данном контексте ценность, в отличие от нормы и образца, не принуждает, а побуждает к деятельности (Петровский, 2010).

Соответственно интериоризация внешних, внеличностных форм культуры неразрывно связана с формированием собственных субъектных структур, порождающих встречный процесс экстериоризации субъективных мотивов и проекций. Поэтому интериоризация ценностей возможна лишь после объективации открытий, сделанных в самом себе, овладения ими, а следовательно, и самим собой (Зинченко, 2001). На пересечении данных процессов и рождается субъектное «Я», ценностно-смысловое содержание которого формируется сознаниями, порождаемыми опосредованным переживанием человека от взаимодействия с внеличностными смыслами культурных явлений (Зинченко, 2011). К примеру, заповедь «Возлюби ближнего своего!» может приниматься или отвергаться, однако в обоих случаях требуется личностный опыт напряженного осмысления сути любви и сути человека как объекта такой любви, которые и есть со-значение этой заповеди.

«Нормальность» как ценностно-смысловое основание субъектности человека

Таким образом, субъект формируется на пересечении субъективного и объективного миров, где встречаются процессы интериоризации форм культуры и экстериоризации внутриличностных проектов. Эта граница представляет собой то пространство, в котором общественные представления о должном и образцовом

опосредуются повседневной практикой индивида. Тем самым происходит личностное освоение социокультурных норм и формирование ценностно-смыслового уровня «нормальность», посредством которого происходит субъективное включение человека в объективную данность социокультурных форм его жизненного мира.

Нормальность не тождественна субъективным представлениям человека об обыденности, поскольку предполагает первичную оценку таких представлений. Ведь те или иные стороны обыденности, а в случае революционно настроенного сознания её фундаментальные основания могут рассматриваться человеком как ненормальность, противоречащая ценностям и идеалам человеческого мироустройства. При этом нормальность не может быть редуцирована к социальным образцам, поскольку их значимость проверяется в контексте жизненной практики человека. И личностный горизонт нормальности формируется в преломлении такого взаимооценивания представлений о норме и образце (тем, как должно быть) и повседневной жизни (тем, что есть в наличии).

Подобное взаимооценивание представляет собой диалог, направленный на осмысление сферы культурных норм и образцов, с одной стороны, и жизненной действительности, с другой стороны. Вхождение в такой диалог выталкивает человека из самопонятности жизненных обстоятельств, повседневных практик и связанных с ними социальных ролей как той объективной данности, в которой он пребывает, в горизонт тех ценностных оснований, которые определяют истинность этой реальности. Причём в пространстве этого горизонта, в свою очередь, теряют свою субъективную привычность общепринятые критерии оценок. Их освоение требует от человека прояснения оснований ценностных ориентиров, их конкретизации и до-определения. Такое освоение предполагает процедуры понимания и самопонимания, где детерминанты социокультурных форм предстают смысловыми доминантами, по отношению к которым человек занимает собственную субъектную позицию, определяемую личностной значимостью внеличностной культурной ценности в контексте жизненной практики.

Такая позиция прослеживается в ответе одного из наших респондентов, рассуждающего о значимости этнокультурной идентичности: «Но хотя я сам в себе зачастую не являюсь хранителем многих ценностей [своего народа], я всегда гордился тем, что я адыг, что я живу и дышу на адыгейской земле. Я хочу возносить свою нацию и умножать ее значимость в современном обществе, вызывать доверие к ней и желание взаимного сотрудничества» (Аполлонов И. А., Карнаушенко Л. В., Тучина, 2009). Респондент утверждает, с одной стороны, сущностную, генетическую и витальную связь со своим народом, высокую личностную значимость такой связи, выраженную в чувстве гордости, но с другой — он осознаёт собственное отклонение от этнокультурной образцовости и традиционных ценностей. Во всяком случае детерминанты этнокультурной традиции респондент ставит под сомнение, хотя такие ценности и сохраняют в его глазах особую значимость. Вместе с тем данный ответ демонстрирует выраженную субъектную позицию респондента, его стремление служить своему народу. И именно позиция субъекта этнокультурной традиции, ответственность за свой народ в конкретных реалиях современного мира ведёт к осознанной корректировке традиционных норм и образцов. А такая корректировка неразрывно связана с поиском и утверж-

дением культуuroобразующих оснований традиции, предельных ценностей человеческого бытия, определяющих метафизическую правду человеческой жизни.

Таким образом, своё субъектное основание человек обретает посредством актов ценностного самоопределения в котором сопрягаются формы культуры и реальная жизненная практика, в которую он вовлечён. Поэтому культура, определяющая «вторую природу» человека, не сводится лишь к детерминантам, транслирующим социально значимые нормы и образцы в человеческое сознание. Освоение культурных форм прежде всего вовлекает человека в саму практику производства и утверждения идеалов, посредством которой он утверждает себя, свой жизненный мир, за который несёт личностную ответственность.

Библиографический список

- Анцыферова, Л. И. (2000). Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода. В А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинина (ред.) *Проблема субъекта в психологической науке* (с. 27–42). М.: Академический проспект.
- Аполлонов, И. А., Карнаушенко, Л. В., Тучина, О. Р. (2009). *Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов)*. Краснодар: Изд-во КрУ МВД РФ.
- Бахтин, М. Н. (2008). *Философия как живой опыт. Избранные статьи*. Москва: Лабиринт.
- Брушлинский, А. В. (2003). *Психология субъекта*. Москва: Институт психологии РАН.
- Гофман, И. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Москва: Институт социологии РАН.
- Знаков, В. В., Рябикина, З. И. (2017) *Психология человеческого бытия*. Москва: Смысл.
- Зинченко, В. П. (2001). Психологическая теория деятельности. *Вопросы философии*, 2, 81–83.
- Леонтьев, Д. А. (1996). Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции. *Вопросы философии*, 4, 15–26.
- Мамардашвили, М. К. (1996). *Необходимость себя*. Москва: Лабиринт.
- Михайлов, Ф. Т. (2002). Проблема «subject-Object» или поиск субъектом своих предикатов. В *Субъект. Познание. Деятельность* (с. 377–398). Москва: Канон+ ОИ «Реабилитация».
- Петровский, В. А. (2010). *Человек над ситуацией*. Москва: Смысл.
- Резвых, П. В. (1996). Бытие, сущность и существование в поздней онтологии Г. В.Й. Шеллинга (к шеллинговской постановке проблемы творения). *Вопросы философии*, 1, 110–123.
- Резник, Ю. М. (2009). Человек за границами культуры и социальности: трансперсональность как предмет социальной теории (метафизические основания). *Вопросы социальной теории*, 1 (3), 17–195.
- Рубинштейн, Л. С. (1997). *Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии*. Москва: Наука.
- Рубинштейн, С. Л. (1976). *Проблемы общей психологии*. Москва: Просвещение.
- Рябикина, З. И. (2005). Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа. В *Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа* (с. 5–21). Краснодар: КубГУ.
- Тулчинский, Г. Л. (2007). *Свобода — эпифеномен культуры?* <http://hpsy.ru/public/x2919.htm>
- Тучина, О. Р. (2013). *Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход*. Краснодар: КубГУ.
- Филер, А. Я. (2012). Науки о культуре после постмодерна. Постфутурология. *Обсерватория культуры*, 2, 4–11.

- Bugental, J. F. T., Kleiner, R. (1993). Existential Psychotherapies. In G. Stricker, L. Gold (Eds.) *Comprehensive Handbook of Psychotherapy Intergration*. New York: Plenum Press.
- Campbell, R. L., Christopher, J. C., & Bickhard, M. H. (2002). Self and values: An interactivist foundation for moral development. *Theory & Psychology*, 12, 795–823.
- Martin, J. (2004). Self-Regulated Learning, Social Cognitive Theory, and Agency. *Educational Psychologist*, 39 (2), 135–145.
- Sugarman J., Martin, J. (2011). Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments. *Journal of Constructivist Psychology*, 24 (4), 321–323.

Статья поступила в редакцию 30.06.2018

Статья принята к публикации 23.08.2018

Для цитирования: Аполлонов И. А., Берберян А. С. Проблема субъектности человека в пространстве социокультурных детерминант. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 3. С. 47–57.

THE PROBLEM OF PERSONAL AGENCY WITHIN THE SPACE OF SOCIO-CULTURAL DOMINANTS

I. A. Apollonov, A. S. Berberyan

Ivan A. Apollonov, Kuban State Technological University, Moskovskaya St., 2, Krasnodar, 350072, Russia

E-mail: oblago@yandex.ru · <https://orcid.org/0000-0002-1926-8213>

Asya S. Berberyan, Russian-Armenian (Slavonic) University, Ovsepa Emina St., 123, Yerevan, 0051, Armenia

E-mail: aspsy@inbox.ru · <https://orcid.org/0000-0003-0321-0161>

Abstract. The paper deals with the issues related to socio-cultural foundations of human subject structures formation. The aim of the paper is to analyze the dialectical relationship between the determinants of social culture that determine Man's "second nature" and attainment of freedom – a constituent characteristic of actor. The methodology of the research is based on the activity approach that regards Man as actor who masters and transforms himself and his world through rational and significant personal activity. Culture is regarded as a social code that determines essential predicates of an individual and shapes the axiological level of his consciousness and self-consciousness. The paper features the interrelation between the norms and the patterns that act as socio-cultural determinants of human subjectivity formation and serve as value-based level of culture that helps Man generate ideals. Within this activity, a specific set of personal values – those that make up the basis of life and determine integral, not imposed, responsibility as an inherent and basic characteristic of personality freedom, is shaped. Interiorization analysis of social culture forms allows to reveal the level of "normalcy" in the area of personal cultural meaning and personal meaning formed against the background of mutual evaluation of socio-cultural patterns and Man's everyday life. As a result, it becomes possible to obtain actor's own attitude which determines Individual's attitude to norms and patterns and cultural attractors from the peak of ultimate values of Man's being. The author of the research substantiates the conclusion that socio-cultural determinants are necessary grounds for Man as actor to acquire freedom of constructive endeavor. The research contains materials of long-standing that illustrate how young people self-comprehend their ethno-cultural identity.

Keywords: subject, activity, culture, norms and values, freedom and responsibility, interiorization of cultural forms, normality, the production of ideals

DOI: 10.31429/26190567-19-3-47-57

References

- Antsyferova, L. I. (2000). Psikhologicheskoe soderzhanije fenomena sub''ekt i granitsy sub''ektno-dejatel'nostnogo podkhoda. [Psychological Content of the Phenomenon "Subject" and the Boundaries of the Subject-activity Approach]. In A. V. Brushlinskij, M. I. Volovikova, V. N. Druzhinina (Eds.) *Problema subekta v psihologicheskoy nauke* [The Problem of "subject" in Psychology] (27–42). M.: Akademicheskij prospekt.
- Apollonov, I. A., Karnaushenko, L. V., & Tuchina, O. R. (2009). *Jetnokul'turnyje normy i tsennosti v formirovanii samoponimaniya molodezhi (na primere russkikh i adygskikh studentov kubanskikh vuzov)* [Ethno-cultural Norms and Values in Shaping Young People's Self-comprehension (as Exemplified in Russian and Adyghe Students Experience in Kuban Universities)]. Krasnodar: Izd-vo KrU MVD RF.
- Bahtin, M. N. (2008). *Filosofija kak zhivoj opyt. Izbrannye stat'i* [Philosophy as a Living Experience. Selected Papers]. Moskva: Labirint.
- Brushlinskij, A. V. (2003). *Psikhologija sub''ekta* [Psychology of the Subject]. Moskva: Institut psihologii RAN.
- Bugental, J. F. T., & Kleiner, R. (1993). Existential Psychotherapies. In G. Stricker, L. Gold (Eds.) *Comprehensive Handbook of Psychotherapy Intergration*. New York: Plenum Press.
- Campbell, R. L., Christopher, J. C., & Bickhard, M. H. (2002). Self and values: An interactionist foundation for moral development. *Theory & Psychology*, 12, 795–823.
- Filer, A. Ja. (2012). Nauki o kul'ture posle postmoderna. Postfutuologija [Sciences of Culture after Postmodern. Post-Futurology]. *Observatorija kul'tury* [Culture Observations], 2, 4–11.
- Gofman, I. (2003). *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience]. Moskva: Institut sociologii RAN.
- Leont'ev, D. A. (1996). Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponjatije: opyt mnogomernoj rekonstrukcii [Value as an Interdisciplinary Concept: Experience of Multi-dimensional Reconstruction]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 4, 15–26.
- Mamardashvili, M. K. (1996). *Neobhodimost' sebja* [Necessity of Self]. Moskva: Labirint.
- Martin, J. (2004). Self-Regulated Learning, Social Cognitive Theory, and Agency. *Educational Psychologist*, 39 (2), 135–145.
- Mikhajlov, F. T. (2002). Problema "subject-Object" ili poisk sub''ektom svoikh predikatov [The Subject-Object Problem, or the Subject in Search of Predicates]. In *Sub''ekt. Poznanie. Dejatel'nost'* [Subject. Cognition. Activity] (pp. 377–398). Moskva: Kanon+ OI "Reabilitacija".
- Petrovskij, V. A. (2010). *Chelovek nad situatsiej* [Man above the Situation]. Moskva: Smysl.
- Reznik, Ju. M. (2009). Chelovek za granicami kul'tury i social'nosti: transpersonal'nost' kak predmet social'noj teorii (metafizicheskie osnovaniya). [Man Beyond the Boundaries of Culture and Sociality: Transpersonality as Object of Social Theory (Metaphysical Grounds Basis)]. *Voprosy social'noj teorii* [Questions of Social Theory], 1 (3), 179–195.
- Rezvykh, P. V. (1996). Bytie, sushhnost' i sushhestvovanie v pozdnej ontologii G. V. J. Shellinga (k shellingovskoj postanovke problemy tvorenija). [Social Being, Essence and Human Existence in G. V. Y. Shelling's Late Ontology (About Shelling's Posing the Problem of Creation)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1, 110–123.
- Rjabikina, Z. I. (2005). Lichnost' kak sub''ekt bytija i so-bytija: psikhologicheskij aspekt analiza [Personality as Object of Existence and Co-existence: Psychological Aspect of Analysis]. In *Lichnost' i bytie: sub''ektnyj podkhod. Lichnost' kak sub''ekt bytija: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza* [Individual as Object of Existence: Theoretical and Methodological Foundations of Analysis] (5–21). Krasnodar: KubGU.
- Rubinshtejn, L. S. (1997). *Izbrannye filosofsko-psikhologicheskie trudy. Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected Philosophical and Psychological Papers. Fundamentals of Ontology, Logics and Psychology]. Moskva: Nauka.

- Rubinshtejn, S. L. (1976). *Problemy obshhej psihologii* [Issues of General psychology]. Moskva: Prosveshchenije.
- Sugarman, J., & Martin, J. (2011). Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments. *Journal of Constructivist Psychology*, 24 (4), 321–323.
- Tuchina, O. R. (2013). *Samoponimaniye lichnost'ju svoej jetnokul'turnoj identichnosti: sub'ektno-bytijnyy podkhod* [Actor's identity: Self-comprehension of Ethnic and Cultural Identity (Subjective and Existential Approach)]. Krasnodar: KubGU.
- Tul'chinskij, G. L. (2007). *Svoboda — jepifenomen kul'tury?* [Is Freedom an Epiphenomenon of Culture?]. Retrieved from: <http://hpsy.ru/public/x2919.htm>
- Zinchenko, V. P. (2001). *Psikhologicheskaja teorija dejatel'nosti*. [Psychological Theory of Activity]. *Voprosy filosofiji* [Questions of Philosophy], 2, 81–83.
- Znakov, V. V., Rjabikina Z. I. (2017) *Psihologija chelovecheskogo bytija* [Psychology of Human Existence]. Moskva: Smysl.

Received 30.06.2018. Accepted 23.08.2018

For citation: Apollonov I. A., Berberyan A. S. The problem of personal agency within the space of socio-cultural dominants. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 47-57.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).